

Бенно Шоц.

Отрывки и фотографии из книги «Бронза в моей крови»

Воспоминания Бенно Шоца, Эдинбург, 1981.

Перевод с английского: Рут Ступель

Мы приехали в Пярну, когда мне было 2 года. Последнюю часть пути пришлось проделать по дороге т.к. ещё не существовало железнодорожного сообщения с Пярну. У меня остались слабые воспоминания о тряске в каком-то транспорте и никаких следов о нашем прибытии, возможно, я заснул. Однако в памяти сохранилась картина, связанная с нашим приездом. Утром я увидел в окно гружёную телегу с детским столиком, торчащим под невыносимым углом и готовым упасть при малейшем движении. Телега исчезла на следующий день.

Перед нашим домом была большая поляна. Дом был весьма скромным. Он состоял из одной большой комнаты, которую знаменитая русская печь делила почти надвое. Входная дверь открывалась в достаточно просторную переднюю, что придавало дому особый характер. В доме была отдельная кухня и туалет, вмещающий 4 человека одновременно!

Дорога к реке из центра города проходила в нескольких сотнях ярдов от нашего дома. За ним стоял ещё один дом. У нас был общий двор с широкими открытыми воротами, выходящими на улицу, и разными надворными постройками. У наших соседей Левиных, тоже евреев, были дети нашего возраста.

Не один возница, бывало, останавливался на нашей поляне, распрягал лошадь и давал ей возможность пощипать траву. Часто мужики сажали нас на спину лошади и катали. К нам, малышам, играющим во дворе, они относились по-дружески. Мы всегда были в согласии с соседскими детьми, ссоры случались редко.

Мой отец, Яков Шоц, родился в Литве, в деревне Елок. Он учился в ешиве в местечке Телч. Это известная школа по изучению Талмуда. Она готовит студентов к религиозной деятельности и к раввинату. Наша фамилия происходит от начальных букв ивритской фразы «Шолиах Цибур», что значит дословно, «посыльный общины» и относится к кантору синагоги. Несмотря на то, что мой отец был прекрасным учеником, он не хотел посвящать свою жизнь служению религии, что являлось семейной традицией. Тем не менее, он любил нам с гордостью рассказывать, как удостоился щипка в щёку, знака одобрения за отличные ответы, от известного поэта и учителя Иуды Лейб Гордона во время его посещения школы и проверки знаний студентов. Такой знак внимания считался большой честью и память о нём бережно хранилась.

Мой отец не хотел оставаться в черте оседлости, в гетто. Он получил профессию часовщика, как и его брат Элиас, позднее эмигрировавший в США. В то время это

ремесло требовало большего умения, чем сейчас. Часовщик должен был уметь не только чинить всевозможные типы и виды часов, но и изготавливать все детали, включая крохотные зубчатые колёсики и оси. Хотя в зрелом возрасте у отца сильно дрожали руки, он мог разобрать и сложить самые маленькие дамские часики, опираясь запястьями на рабочий стол, чтобы унять дрожь.

Моя мать, Черна Тиша Абрамович, с семьёй жила в городке Хазенпот¹ под Либавой². Её отец был кантором в синагоге. Мой отец, став ремесленником, работал в тех краях. Здесь он встретил мою мать, полюбил и женился на ней. Их старшие дети родились в Хазенпоте. Затем они решили перебраться в Аренсбург³, город на острове Эзель⁴ в Балтийском море, на входе в Рижский залив. Решение поселиться в столь далёком и обособленном городе кажется странным, но родители были молоды, полны жизни, любви и приключений. На острове не было другого часовщика, у отца была возможность предложить свои услуги, как дворянству, так и простому люду, что избавляло их от поездок на материк для починки часов. Мои родители задумались о нашем образовании, только когда мой старший брат Жанно достиг школьного возраста. Это заставило их вернуться

на материк.

Отец решил, что Пярну является развивающимся городом и сможет удовлетворить потребности нашей семьи. Магнитом послужили две гимназии: одна для мальчиков, другая для девочек. Родители жаждали дать детям хорошее образование, а в России таких школ было мало. В то время почти на 200 млн. населения насчитывалось только 10 университетов, тогда как Шотландия с её 5 млн. населением могла похвастаться четырьмя.

Мы переезжали несколько раз, всё в более большие дома, но самые счастливые воспоминания оставил наш первый дом в Пярну. Здесь мы, дети, соорудили огород, выращивали огурцы, морковь, редиску и картошку. В песчаной почве хорошо росла морковка. Удовольствием было, вытащив одну из земли, отряхнуть её о рубашку и насладиться её великолепной свежестью и ароматом. На заднем дворе я выращивал подсолнухи. Мне нравилось наблюдать, как они поворачивали свои головки к солнцу. Когда они созревали, я срезал головки и ел семечки. Мы были молоды, и жизнь была полна очарования, исследований и открытий.

В нашей маленькой Еврейской общине появился новый раввин. Кроме обязанности раввина и кантора, он учил детей ивриту и еврейской религии, а также совершал ритуальный забой животных и птицы, употребляемых в пищу. Это была самая важная из его обязанностей. Занятия эти не считались ремеслом и по малейшему капризу

¹ Теперь Aizpute [MR]

² Līerāja [MR]

³ Kuressaare [MR]

⁴ Saaremaa [MR]

властей его могли депортировать. Для легализации статуса раввину необходим был свой бизнес.

Мой отец, являвшийся одним из лидеров общины, решил, что раввину очень подойдёт роль пекаря. В передней нашего дома появились полки, сюда мама выкладывала разные сорта хлеба, которые пекла сама. Если бы возник вопрос о роде занятий нашего раввина, то подтверждение его ремесла лежало здесь на полках.

Я родился в 1891 г. в Аренсбурге, младшим из 7 детей. Датой рождения в паспорте записано 28 августа по Юлианскому календарю, но я не уверен в её достоверности. У меня было три брата и две сестры. Жанно был старшим, второй брат по старшинству, Песах, умер до того, как я появился на свет. Следующей по старшинству была сестра Эльза, затем мои братья Кациель и Мозес, или Макси, и сестра Хессе.

Эльза, Макси, Хессе и Бенно с собакой Мопси.

Смерть брата Песаха, умершего во младенчестве от менингита, не была зарегистрирована, очевидно, об этом забыли т.к. в тот момент отец находился далеко от дома. Когда пришло время призыва брата на военную службу, отец не смог представить его. Уклонение от службы каралось властями и у отца могли быть серьёзные неприятности. Итак, не без некоторой доли дипломатии, к имени Жанно было добавлено имя его младшего брата. К тому времени Жанно был студентом университета и имел отсрочку от службы в армии.

В наш город съезжались отдыхающие со всей России, кто на месяц, кто на более длительный срок. Они снимали дачи, которых было предостаточно, недалеко от пляжа. На молу, уходящем довольно далеко в море, находились кабины для купания. Вода там

была по пояс. Купались и у берега, на пляже были отдельные участки для мужчин и женщин.

Над песчаным пляжем окнами к морю возвышался Курзал. Здесь можно было перекусить и время от времени посмотреть выступления кабаре. Мне приходилось сопровождать сестру Эльзу на эти представления т.к. считалось, что девушке неприлично посещать такие мероприятия одной.

Рядом с нашим домом был небольшой парк с поляной посередине. Здесь была небольшая эстрада в форме раковины, где несколько раз в неделю играл оркестр. Скрипач и дирижёр был доброжелательным, красивым и стройным. Он отвечал на аплодисменты поклоном и улыбкой. Оркестр играл отрывки из классики и вальсы Штрауса. Нам нравилось гулять поблизости, слушая музыку. Здесь началось наше музыкальное образование.

У отца был магазин, в котором он продавал и чинил наручные и стенные часы. Одна из стен была полностью увешана часами различной формы и величины. Маятники качались «тик-так, тик-так», но никогда не в унисон. Мне никак не удавалось добиться, чтоб они качались одновременно, как солдаты на параде. Будучи ребёнком, я ещё не был знаком с законами физики и не понимал, что это невозможно т.к. все маятники были разной длины и величины. Я проводил довольно много времени в папиной мастерской, учился чистить и собирать часы, делать крохотные оси для колёсиков. Я мог бы, при необходимости, зарабатывать на жизнь, работая часовщиком. Я получил навыки работы с инструментом, это очень помогло мне, когда я решил стать скульптором. У моего обучения был только один недостаток: я привык работать с инструментом часовщика и приобрёл себе такие же инструменты для скульптурных работ, но оказалось, что мне необходимы более тяжелые, прочные и массивные инструменты.

Отец был выше среднего роста, с рыжеватыми волосами и аккуратно подстриженной бородкой. Он много читал на иврите, идише и немецком; говорил на хорошем идише, немецким владел как родным, эстонским и русским достаточно для ведения бизнеса и поддержания беседы. Между собой родители говорили на идиш. Отец блестяще владел библейским ивритом, современного иврита тогда ещё не существовало. Он знал его настолько хорошо, что мог переводить мгновенно, рассказывая нам историю на идиш. Если мы позже хотели прочитать её сами, обнаруживалось, что она написана на иврите. По вечерам, когда мы собирались вместе, отец читал нам главы из книг Переца, Шолем Алейхема, Менделе Мохер Сфорима или других восходящих имён литературы на идиш. Отец рассказывал истории так ярко, что перед слушателями возникали живые сцены, а когда он рассказывал что-то смешное, его игра была настолько талантлива, что мы покатывались со смеху, утирая слёзы. Не один вечер мы провели, обсуждая работы писателей и художников. Уверен, что благодаря этим дискуссиям, вырос и развился мой интерес к искусству.

За русско-японской войной последовала первая русская революция 1905 г.

Революция не смогла победить т.к. русская армия, хоть и была намного слабее японской, была достаточно сильна, чтобы жестоко подавить плохо вооружённых и неподготовленных революционеров. Армейские части и казаки добрались даже до Пярну. Я слышал, что какое-то число местных мужчин отвели в поле рядом с морем и расстреляли.

Однажды утром я шёл по узкой и тихой улице. Вдруг я увидел приближающуюся группу казаков верхом на лошадях. Сердце ушло в пятки, я боялся, что кто-нибудь из них может для потехи ударить меня нагайкой, но они проехали, и я вздохнул с облегчением.

Мы, студенты, активно обсуждали политическую ситуацию. Русская интеллигенция выступала за политические реформы и влияние в правительстве. Еврейская интеллигенция поддерживала их. Во время революции евреи поднимались на баррикады в поддержку неевреев. Они верили, что, борясь за свободу народных масс, они борются и за улучшение собственной доли.

Эта идеология существовала параллельно с ростом еврейского национализма, оно разгорелось ярким пламенем благодаря проникновению к нам литературы на иврите и идиш и еврейской прессы. Прошло много времени, пока французская революция не просочилась в еврейское гетто. Надежда на возвращение в Палестину укреплялась и набирала силу. Погромы ускорили её. История подтверждает, когда созревает время для определённого движения, появляется и лидер. Этим человеком оказался Герцель.

В нашем городе лидером сионизма стал наш отец. Слово «сионизм» происходит от названия горы Сион, на которой стоит Иерусалим. Наш дом стал местом собраний и дискуссий о сионизме. Я слушал, развесив уши, и пытался впитать всё услышанное. Помню день, когда отец вернулся, рыдая, с известием о смерти Герцеля. Что-то умерло и в нём в тот день, но его стремления и побуждения не ослабли. Они опирались на неторопливую, непреклонную волю и негасимый огонь души. Отец постарел, сказывалось постоянное напряжение, связанное с необходимостью содержать семью. Если бы не проблемы с сердцем, я уверен, он хотел бы эмигрировать в Палестину.

Наше светское образование началось в возрасте 9 лет. Дело обстояло по-разному с еврейским и религиозным образованием. Ребёнок начинал изучать ивритский алфавит в 5 лет. Хорошо я запомнил день, когда выучил алфавит и учитель, приходивший к нам домой, позвал отца послушать, как я называю все буквы одну за другой. Вдруг на учебник упала монета. Удивлённый я поднял глаза на отца и спросил, откуда монета. «Из рая», ответил он. Я слышал много рассказов о рае, но не мог предположить, что оттуда падают деньги!

Но как мог я усомниться в словах отца? Он никогда не обманывал меня. И так, я посмотрел вверх на потолок, и действительно, там была трещина, очевидно монета упала оттуда. Так произошло моё первое знакомство с чудом и я имею серьёзные основания верить в них и по сей день. В течение моей долгой жизни я был свидетелем многих необыкновенных событий, случившихся со мной и моими родными.

С родителями я разговаривал по-немецки. В Лифляндии, так назывался наш район в то время, немецкий широко использовался т.к. многие немцы, в основном аристократы, поселились здесь уже сотни лет назад, обосновавшись в Пярну и его окрестностях. Говорить по-немецки считалось признаком хорошего воспитания и аристократизма. Вывески на магазинах писались обычно на 3 языках; на первой строке по-русски т.к. он являлся государственным языком, затем ниже по-немецки, и совсем на последней строчке по-эстонски, на родном языке страны.

Даже город был переименован на русский манер в Пернов; отсюда 3 названия нашего города: Пернов, Пернау, Пярну.

В возрасте 9 лет я заметил несоответствие с тем, что я, еврей, разговариваю с родителями по-немецки. Меня вдруг поразила фальшивость положения. После этого я начал разговаривать с ними на идиш. Странно, но родители отнеслись к этому совершенно естественно и не задавали вопросов. Возможно, они восприняли это как должное и, очевидно, почувствовали, что я начинаю ощущать себя евреем. Видимо это было связано с рождением сионизма, оно зарядило нас свежим идеализмом. Я начал читать наших поэтов на идиш и литературу, которая находилась в периоде расцвета.

Когда в город приезжал цирк, а это происходило раз в год, мы, дети, играли в цирк. Если в городе случался пожар, мы играли в пожарных. Мы придумывали разные игры и были заняты. Когда я поступил в гимназию, пришлось расстаться с играми. Занятия проходили с 8 утра до 14, дома надо было усиленно заниматься. У нас появились новые друзья и интересы. Мы отделились от друзей детства, большинство из которых не учились в нашей гимназии.

Форма, черная куртка со стоячим военным воротничком, широким кожаным ремнём и чёрными брюками, была обязательна. Некоторые гимназисты щеголяли рюшами, которые выглядывали на четверть дюйма (6 мм – прим. перев.) из-под воротничка и манжет. Серое пальто было военного покроя, ночью солдаты отдавали нам честь, видя нас на противоположной стороне улицы, т.к. принимали за офицеров. Мы обычно отвечали, чтобы не смущать их.

С революцией 1905–7 гг. началось возрождение эстонского национализма и эстонского языка. Я владел им поверхностно, достаточно, чтобы объясняться с нашей прислугой. Я слышал, как эстонские гимназисты начали говорить по-эстонски открыто и, даже, писать стихи на родном языке.

Немцы всегда вели себя так, как будто находились выше остального населения. Немецкие гимназисты всегда держались в стороне, будто они аристократы, а некоторые из них действительно были ими. Мы, еврейские ученики, вообще не принимались во внимание. В каждом классе было по несколько евреев, и мы были меж двух огней: эстонской и немецкой фракцией.

Я окончил гимназию в 1911 г. Мне не удалось получить серебряную медаль т.к. на экзамене по немецкому языку мне поставили проходной балл, хотя это был практически мой родной язык. В то время это был ужасный удар т.к. вся моя жизнь изменилась. Ясно, что я не смогу попасть в российский университет, ко всему я ещё не решил на какой факультет поступать. Скульптура, как профессия ещё не занимала меня.

А пока я подал документы на математический факультет в Дерпте, позднее Тарту. Я любил математику и думал, что т.к. немногие еврейские студенты хотят изучать её, у меня может быть шанс поступить. Я не понимал, что правительство интересовал не факультет, а общее число еврейских студентов (5% от общего количества – прим. перев.).

Студентам, поступившим в университет, давалась 7-летняя отсрочка от военной службы, поэтому мне было предначертано судьбой поехать учиться за границу. В

России прекрасно понимали, что происходит в Европе, видели признаки неминуемой войны. Отсрочка для студентов была сокращена на один год, армия нуждалась в офицерах. Это означало, что многим студентам придётся прервать учёбу и пойти на срочную службу, что, в свою очередь, снизило общее число, принимаемых еврейских студентов. Я был в списке под номером 27, а приняли только 25 евреев! Теперь отъезд за границу был неизбежен, и так началась моя одиссея.

Большинство еврейских студентов, которые не могли попасть в российские университеты, уезжали в Германию, в основном, в Гейдельберг, изучать право или медицину. Мало кто выбирал инженерное дело, факультет, на котором я, наконец, остановил свой выбор. Думал поехать учиться в Цюрих. Швейцария была знаменитым центром производства часов; владея ремеслом часовщика, я надеялся найти там работу на полставки, что помогло бы увеличить денежную помощь, получаемую из дома. В дороге я встретил бывшего одноклассника по Пярнуской гимназии, Мозеса Сейдельберга. Он был родом из Риги, наша семья хорошо знала его. Он проучился несколько лет в Гейдельберге и прекрасно понимал, что происходит в Европе. Когда я объяснил ему причину поездки в Цюрих, он разочаровал меня, сказав, что у меня нет никакой надежды, получить там работу, на которую я рассчитывал. Он посоветовал поехать в Дармштадт, в Германию, где находится важный технический колледж «Великогерцогская техническая высшая школа», известная своим инженерным факультетом. Я последовал его совету и изменил свои планы. Я вынужден был принять решение, не посоветовавшись с родителями т.к. чувствовал, что неблагоприятно и дорого терять время в Берлине, ожидая ответа из дома.

Итак, вместо Цюриха, я оказался в Дармштадте. Я не помню, какую реакцию вызвало дома моё первое письмо, в любом случае они не ожидали получить его из Дармштадта. Эта первая возможность принятия самостоятельного решения придала мне чувство уверенности и смелости, в дальнейшем я много раз принимал быстрые решения без всяких сомнений. Я приехал в Дармштадт в октябре, я всё ещё храню зачётную карточку о поступлении, датированную 7 октября 1911 г. Я снял комнату у пожилой женщины с дочерью, они оказались еврейками. Я обнаружил это, когда зажёл свечи на Хануку, наш праздник света, они увидели и сказали правду. Тогда я понял, что антисемитизм распространён в Германии. Когда дверь в их квартиру этажом выше была открыта, они говорили шёпотом, ссылаясь на еврейские темы, чтобы немцы, живущие напротив, не слышали.

Во время моего пребывания в Дармштадте сестра Эльза вышла замуж за друга детства Нану Левина, сына наших первых соседей в Пярну. Я не мог себе позволить как пропустить учёбу, так и поездку на свадьбу, но написал стихотворение на немецком языке, оно было прочитано на празднике, семья была в восторге.

Жанно окончил гимназию с золотой медалью, но никак не мог решить насчёт будущей профессии. Один немецкий студент, с которым он дружил, очень интересовался химией. Он предложил брату поехать вместе в Рижский университет, в надежде, что блестящие способности Жанно помогут и ему. Однажды в 1907 г. до нас дошли слухи, что полиция разыскивает брата, а он скрывается. В чём он провинился? Его имя было

найден в записной книжке арестованного студента. Сказывались последствия революции 1905-7 гг., правительство проводило чистки. Если бы его нашли, отправили бы в Сибирь или в тюрьму на длительный срок.

Отец взялся за дело и его переправили тайно в Германию. Из Гамбурга брат прибыл морем в Лиф, в Шотландии, и оттуда в Глазго, где у нас было уже довольно много родственников, они эмигрировали несколькими годами раньше.

Родители не видели Жанно уже 4 года. Они боялись, что не увидят его уже никогда, потому что в тот момент о поездке не могло быть и речи. Было решено, чтобы я навестил его во время весенних каникул, и затем, приехав домой на летние каникулы, рассказал бы все новости. Брат, пытаясь облегчить мой въезд в Великобританию, написал письмо, в котором утверждал, что я хочу продолжить учёбу в техническом колледже. Я предположил, что это его желание т.к. у меня с родителями были другие планы. Это письмо следовало показать иммиграционной службе, при возникновении сложностей, хотя в то время иммигранту требовалось иметь при себе только 5 фунтов для въезда в страну.